

**УЧЕБНЫЙ КОМИТЕТ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

На правах рукописи

Игумен Иннокентий (Ерохин В. В.)

**СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПРИМОРЬЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата богословия

Москва – 2010

Работа выполнена на кафедре истории Русской Православной Церкви Богословского
факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Научный руководитель: кандидат богословия
Бежанидзе Георгий Вениаминович

Официальные оппоненты: доктор церковной истории
Петрушко Владислав Игоревич,

доктор богословия
игумен Петр (Еремеев)

Защита состоится «15» октября 2010 г. в 16 часов на заседании Диссертационного
Ученого совета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета по
адресу: г. Москва, ул. Новокузнецкая, 23б, большой конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета по адресу: г. Москва, ул. Новокузнецкая, 23б.

Автореферат разослан «02» июня 2010 г.

Ученый секретарь Диссертационного Ученого совета

магистр богословия, доцент

протоиерей Валентин Асмус

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования определяется одной из самых насущных задач Русской Православной Церкви – возрождением полнокровной епархиальной жизни и необходимостью развития широкой миссии на различных уровнях: епархиальном, приходском, монастырском. Важность такого подхода признается со времени принятия в 1994 г. Архиерейским собором специального определения «О православной миссии в современном мире», идеи которого последовательно раскрывались во все последующие годы¹. В концентрированном виде они отражены в «Миссионерской концепции Русской Православной Церкви», принятой в 2007 г.². Как отмечается в данном документе, цель современной миссии – включение крещеного человека в церковную жизнь в полной мере, формирование православного уклада жизни. Исходя из этого приходы, храмы, монастыри становятся центрами современной миссионерской деятельности. Следовательно, в церковной жизни нет такого аспекта, который бы не имел миссионерского значения. Осмысление этой проблемы является актуальной задачей богословия, в частности миссиологии. Большое значение приобретает анализ практической стороны миссионерства, так как за предыдущие годы в определенной степени утрачена историческая преемственность в церковном служении, а реалии времени ставят перед миссией новые вызовы.

История Русской Православной Церкви богата многими назидательными примерами подвижников, потрудившихся во славу Божию. Перед современными тружениками на ниве Господней стоят задачи, с одной стороны, усвоить лучшие образцы миссионерского прошлого, применяя их к нынешним обстоятельствам, а с другой – проанализировать ошибки предыдущих лет. В свете этого актуальным становится обращение к историческим материалам, пока еще слабо изученным церковным сообществом. Особенно это важно и необходимо для дела миссии в тех местностях, где вследствие антирелигиозной политики советского государства в XX в. почти полностью была разрушена епархиальная, приходская и монастырская жизнь. Яркой иллюстрацией этого служат восточные регионы России. История Православия на юге Дальнего Востока неразрывно связана с историей освоения этого края. Примером чего является российское Приморье. В настоящее время здесь происходит всестороннее развитие церковной жизни. Как в прошлом, так и в современное время оно протекает на фоне активных

¹ Определение Архиерейского собора 1994 г. «О православной миссии в современном мире» [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/527258.html>.

² Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // – Режим доступа: www.patriarchia.ru/db/text/220922.html.

миграционных процессов в регионе. В этой ситуации комплексное изучение проблемы исторического развития Православной Церкви и ее миссии в условиях переселения, когда формирование епархиальной жизни догоняет «колонизаторский процесс» и, с другой стороны, этому сопутствует иммиграция, также приобретает актуальное звучание.

Историография темы. Проблема становления Русской Православной Церкви на Востоке в контексте переселения русских людей начиная с XVI в. в Сибирь, Забайкалье, Якутию, Приамурье, на Камчатку в общих чертах представлена в трудах митрополита Макария (Булгакова), Н. И. Костомарова, Л. Н. Гумилева и др.³. Церковные историки периода до 1917 г. (например, П. В. Знаменский и А. П. Доброклонский) заметное внимание уделили проблеме миссионерской работы с народами Сибири, входившими в состав Российской империи⁴. Одним из первых трудов по осмыслению деятельности церкви на Дальнем Востоке стало исследование протоиерея Прокопия Громова⁵. Накоплению материала с целью его дальнейшего изучения способствовали публикации в епархиальных ведомостях во второй половине XIX в. Так поставил проблему становления Православной Церкви в Приморье в 1860–1880-е гг. протоиерей Павел Мичурин⁶.

Вопрос церковного строительства в зоне переселения фрагментарно осветили Ф. Ф. Буссе, А. Сильницкий, П. Ф. Унтербергер⁷.

С начала XX в. епархиальная жизнь в Дальневосточном регионе вошла в поле зрения С. Г. Рункевича⁸. А. Г. Разумовский хотя и предпринял комплексный подход к проблеме развития Владивостокской епархии, тем не менее ограничил свою работу небольшими временными рамками: 1899–1905 гг.⁹.

Иеромонах Нестор (Анисимов), говоря в целом о миссии церкви, показал вклад архиереев в процесс распространения Православия в Сибири и на Дальнем Востоке за

³ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 6. М., 1996. С. 61, 291, 320; Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 3 т. Ростов-на-Дону, 1997. Т. 1. С. 506–508; Т. 2. С. 419–428; Гумилев Л. Н. От Руси до России. М., 2008. С. 229–238.

⁴ Знаменский П. В. История Русской Церкви. М., 1996. С. 366–367; Доброклонский А. П. Руководство по истории Русской Церкви. М., 1999. С. 276–278, 480–492.

⁵ Громов Прокопий, прот. Историко-статистическое описание камчатских церквей: Сб. Петропавловск-Камчатский, 1998. С. 1–107. Репр. изд. 1857 г.

⁶ Мичурин Павел, свящ. К истории Южно-Уссурийского края // КЕВ. 1894. № 15. С. 324–330; № 17. С. 360–369.

⁷ Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 годах. СПб., 1896. Сильницкий, А. Культурное влияние Уссурийской железной дороги на Южно-Уссурийский край. Хабаровск, 1901; Унтербергер П. Ф. Приморская область. 1856–1898 г. СПб., 1900.

⁸ Рункевич С. Владивостокская епархия // Православная Богословская энциклопедия. Петроград, 1901. Т. 3. Стлб. 533.

⁹ Разумовский А. [Г.]. Владивостокская епархия за первые пять лет ее существования (1899–1903) // ВЕВ, 1905. №№ 3, 5–8, 11, 14–17, 19–23; 1906. №№ 1–5, 7–13, 16, 17. Или то же отдельным изданием: Симферополь, 1906. 196 с.

время с XVI по начало XX в.¹⁰. Проблему деятельности корейских миссионерских станом в Приморье за первые годы их развития рассмотрели иеромонах Павел (Ивановский) и Г. В. Подставин¹¹.

Священник Григорий Ваулин, обратившийся к вопросу создания первого в крае мужского монастыря, частично затронул и другие стороны епархиальной жизни в контексте устройства обители¹². Но автор недостаточно исследует начальный этап становления монастыря и завершает свой труд 1903 г.

После 1917 г. на новом этапе историографии многие исследователи, рассматривая историю Русской Православной Церкви в период монархии, подходили к этому вопросу в контексте идеологической антирелигиозной позиции Советского правительства. Развитие церкви рассматривалось в целом и не ставилось акцента на жизни в восточных регионах страны (Н. М. Никольский, Е. Ф. Грекулов и др.)¹³.

За пределами СССР выходили разнообразные работы, где предпринимались попытки комплексного изучения церковной жизни России в Синодальную эпоху. Так, историк И. К. Смолич дал характеристику многолетнему процессу продвижения Православия к Тихому океану, но ограничился краткими сведениями о дальневосточных епархиях, в т. ч. Владивостокской, их архиереях и развитии миссии¹⁴. Справочные биографические материалы о епископах восточной части России в период до 1917 г. собрал митрополит Мануил (Лемешевский)¹⁵.

С 1970–1980-х гг. появились работы, в которых исследователи определяли круг проблем развития Православной Церкви на региональном уровне, в Сибири и на Дальнем Востоке: церковно-государственных отношений, приходской жизни, деятельности святителя Иннокентия Вениаминова и др.¹⁶.

¹⁰ *Нестор* (Анисимов), иером. Православие в Сибири // *Вернувшийся домой: Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова)*. Т. 1. М., 2005. С. 138–189.

¹¹ *Павел* (Ивановский), иером. Краткий очерк развития миссионерского дела среди корейцев Южно-Уссурийского края. // *История Российской духовной миссии в Корее*: Сб. М., 1999. С. 115–150; *Подставин* Г. В. Школьное дело в корейских селениях Янчихинской и Адиминской волостей Никольск-Уссурийского уезда Приморской области. [Владивосток], 1912. Ркп.

¹² *Ваулин* Григорий, свящ. Первая обитель на Дальнем Востоке. Владивосток, 1903. 132 с.

¹³ *Никольский* Н. М. История русской церкви. М., 1931; *Грекулов* Е. Ф. Церковь в истории России (IX – 1917 г.): Критический очерк. М., 1967; *Кусакин* А. А. Антиклерикальное движение дальневосточного крестьянства в годы первой русской революции // *Проблемы аграрной истории Дальнего Востока*. Хабаровск: Изд-во ХГПИ, 1974. С. 66–76; *Жданова* Е. Камчатское православное братство (1910–1917 гг.) // *Наука и религия*. 1973. № 4. С. 69–70.

¹⁴ *Смолич* И. К. История Русской Церкви (1700–1917). Т. VIII, ч. 2. М., 1996. С. 242–255, 677.

¹⁵ *Die Bischöfe Evsevij (Nikolskij) // Die Russische orthodoxen Bischöfe von 1893 bis 1965 Bio-Bibliographie von Metropolit Manuil (Lemesevchij) bis zur Gegenwart ergänzt von P.Coelestin Patock OSA. Teil III (T. I-III)*. Erlangen 1984. S. 135–136.

¹⁶ *Окладников* А. П. От Анги до Уналашки, удивительная судьба Иоанна Попова // *Вопросы истории*, 1976. № 6. С. 121; Он же. Иннокентий Вениаминов // *Первопроходцы*. Сборник. М., 1983. С. 130–161; *Зольникова*

В 1990-е гг. произошло бурное развитие исследований по истории Православной Церкви в Сибири и на Дальнем Востоке России в эпоху до 1917 г. Вышли монографии по истории Иркутской, Забайкальской, Якутской, Сахалинской епархий¹⁷. Однако церковные проблемы Приморья рассматривались в обобщающих диссертационных исследованиях. Одной из первых это сделала дальневосточный историк М. Б. Сердюк¹⁸. Ее работа в целом ориентируется на сравнительный анализ устройства всех религиозных организаций Дальневосточного региона, поэтому автором не ставилась задача всестороннего исследования епархиальной жизни Приморья. Защитили диссертации А. А. Ипатьева, Е. А. Капранова, О. Б. Лынша, А. Н. Смагин, поднимающие различные аспекты темы¹⁹. Внеся заметный вклад в исследовательский процесс, данные работы территориально все же охватывают несколько областей, что не позволяет выявить особенности, имевшиеся в Приморском крае. В богословском отношении в указанных трудах не ставилась задача комплексно исследовать деятельность церкви в данном регионе как единого духовного организма, все стороны которого имеют миссионерское предназначение.

Большое число авторов затрагивали вопросы развития Православной Церкви в Приморье в статейном формате и краеведческих публикациях. В этом отношении особенно выделяются Н. Г. Мизь, О. Б. Стратиевский, А. М. Буяков, Г. В. Прозорова, Э. В. Ермакова и др.²⁰ Ценность этих работ состоит в: 1) освещении малоизвестных фактов; 2) исследовании деятельности архиереев и священников Владивостокской епархии²¹; 3)

Н. Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1981. 181 с.; Она же. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990. 289 с.

¹⁷ Наумова О. Е. Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX века. Иркутск, 1996; Косых В. И. Забайкальская епархия накануне и в годы первой российской революции. Чита, 1999; Шишигина Е. С. Якутская епархия (Краткий исторический очерк). Якутск. 1997. Костанов А. И. Русская православная церковь на Сахалине и Курильских островах: Исторический очерк. Южно-Сахалинск, 1992.

¹⁸ Сердюк М. Б. Религиозная жизнь Дальнего Востока (1858–1917): Автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. Владивосток, 1998. 22 с.

¹⁹ Ипатьева А. А. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви на юге Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в.: Автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. Красноярск, 1999. 22 с.; Лынша О. Б. История образования на Дальнем Востоке России (1860–1917 гг.): Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Уссурийск, 2000. 21 с.; Капранова Е. А. Развитие церковно-административного устройства и управления Русской Православной Церкви на Дальнем Востоке России (1840–1918 гг.): Автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. Благовещенск, 2003. 26 с.; Смагин А. Н. Роль православного духовенства в освоении юга Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. Владивосток, 2006. 26 с.

²⁰ Мизь Н. Г., Буяков А. М. Вековой юбилей. Владивосток, 1999; Мизь Н. Г., Стратиевский О. Б. Страницы истории Православия в Южно-Уссурийском крае. Владивосток, 2004; Прозорова Г. В. У истоков Владивостокской епархии // Журнал Московской Патриархии. 1995. № 11. С. 47–52; Ермакова Э. В. Церковь в Восточном институте // Христианство на Дальнем Востоке: Материалы междунар. науч. конф. Владивосток, 2000. Ч. I. С. 27–32; Арутюнов Г. Б. Православные храмы Владивостокско-Приморской епархии. Ростов-на-Дону, 2006. 120 с.

²¹ Прозорова Г. В. О первом правящем архиерее Владивостокско-Камчатской епархии // Христианство на Дальнем Востоке: Материалы междунар. науч. конф. Владивосток, 2000. Ч. 2. С. 49–51; Смагин А. Н. Колонизатор Южно-Уссурийского края священник Михаил Кессельман // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Т. VIII. Владивосток, 2004. С. 168–176.

воссоздании исторической картины из жизни монастырей²²; 4) публикации источников и обзоров библиографии²³. Но эти авторы с точки зрения богословского подхода слабо проясняют логику внутренней приходской жизни в регионе, не изучают принципы и методы благовестнической деятельности с позиции миссиологии.

В современной церковно-исторической науке изучение проблем развития Православия на российском Дальнем Востоке началось в последние годы, состоялись конференции, вышли сборники статей, заметное внимание уделяется изучению наследия первых миссионеров в Приамурье²⁴.

Таким образом, историографический обзор показывает, что за рамками научных работ осталось всестороннее изучение проблемы становления Православной Церкви в Приморье в период с 1850-х по 1917 гг. в контексте единства миссии, проявлявшейся в условиях переселения на различных уровнях. Нет монографии по истории Владивостокской епархии. Значительное место отводилось анализу внешнего обустройства церквей и монастырей региона, но за пределами исследований остались феномены духовной, нравственной и аскетической жизни в Православии.

Цель и задачи исследования. Автор ставит целью работы комплексное исследование епархиальной жизни в Приморье в аспектах формирования епархиальной, приходской и монастырской систем и миссионерско-просветительской деятельности.

Для достижения указанной цели автор ставит следующие задачи:

1. Рассмотреть развитие в Приморье епархиальной структуры и выяснить ее связь с миссионерскими задачами церкви.
2. Выявить основные проблемы церковно-приходской жизни и раскрыть особенности внутренней миссии в условиях переселения паствы.

²² Сердюк М. Б. К периодизации истории православных монастырей на Дальнем Востоке России // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Материалы междунар. науч. конф.: В 2 вып.: В 2 ч. Владивосток, 1995. Вып. 2: Ч. 1: С. 93–95; Мизь Н. Г. Свято-Троицкий Николаевский Шмаковский монастырь // Записки Общества изучения Амурского края. Т. 29. Владивосток, 1996. С. 73–89; Мизь Н. Г. Духовно-просветительская деятельность монастыря «Новый Валаам» // Приморские образовательные чтения: Сб. Владивосток, 2001. С. 122–127; Лыниша О. Б. К истории Уссурийского Рождество-Богородицкого женского монастыря // Исторический опыт освоения восточных районов России. Кн. 2. Владивосток, 1993. С. 172–174; Прозорова Г. В. Роль монашеских обителей Владивостокской епархии в духовном и хозяйственном освоении Дальнего Востока России и стран АТР // Христианство на Дальнем Востоке: Сб. Уссурийск, 2001. С. 87–99.

²³ Христианство на Дальнем Востоке: Библиогр. указ. Владивосток, 2000; Торопов А. А. Документы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока по истории Православной Церкви // Христианство на Дальнем Востоке: Материалы междунар. науч. конф. Ч. 1. Владивосток, 2000. С. 81–83; Сердюк М. Б. История религии на Дальнем Востоке в исследованиях и библиографии: Монография. Владивосток, 2006. 324 с.; Далекая обитель на краю Руси: Сб. док. / Ред. коллегия – архиеп. Вениамин (Пушкар), Н. Г. Мизь. Владивосток, 2008. 302 с.

²⁴ Христианство на Дальнем Востоке: Материалы междунар. науч.-практ. конф. / Хабаровская духовная семинария. Хабаровск, 2006. 219 с.; Путь апостольского служения святителя Иннокентия (Вениаминова): Материалы науч.-практ. конф. / Хабаровская духовная семинария. Хабаровск, 2007. 158 с.

3. Исследовать историю и жизнь приморских монастырей в свете аскетических традиций Православия и прояснить роль монашеских обителей в развитии церковной миссии.

4. Изучить основные направления миссионерско-просветительской деятельности и показать принципы благовестия, применявшиеся епархиальной миссией среди мигрантов в Приморье.

Объект исследования – Русская Православная Церковь на юге Дальнего Востока России.

Предмет исследования – епархиальное управление, приходы и храмы, монастыри, миссионерская деятельность в Приморье. Автор не рассматривает работу воинских храмов и священников, так как они не входили в епархиальную структуру.

Территориальные рамки исследования ограничены административными границами современного Приморского края, образовавшегося в первой половине XX в. вследствие реорганизации Приморской области. В церковно-административном отношении этот район подчинялся Владивостокской епархии Русской Православной Церкви. Термины «Приморье», «Южно-Уссурийский край» условно используются в диссертации как равнозначные и обобщающие понятия.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 1850-х по 1917 гг. Они определены, с одной стороны, 1850-ми гг., когда православные священники начали вести систематическое миссионерское и пастырское служение на юге Дальнего Востока России. С другой стороны, 1917 г. – временем окончания Синодального периода в истории Русской Православной Церкви.

Методологической основой исследования являются принципы церковности и объективности, миссиологического анализа. Историко-хронологический метод использован для последовательного раскрытия процессов и изменений изучаемых явлений в ходе становления Православной Церкви в Приморье. Сравнительный метод дал возможность определить общее и установить различия на исторических этапах в исследуемых процессах на уровнях епархиального управления, в церковно-приходской жизни, в монастырях и в миссионерской деятельности. С помощью количественного анализа выявлены численные и качественные характеристики изучаемых вопросов: строительство храмов, открытие благочиний, численность епархиального клира и монашествующих, религиозный состав населения Приморья.

Источниковую базу диссертации составляет обширный комплекс документов и материалов двух групп – неопубликованных и опубликованных.

Группу *неопубликованных* источников составляют архивные материалы из нескольких хранилищ. Из Российского государственного исторического архива (РГИА) привлекается около 40 дел из фондов Канцелярии Синода (796), Канцелярии обер-прокурора Синода (797), Хозяйственного управления при Синоде (799), Департамента гражданских и духовных дел Государственного Совета (1151), лесного департамента МЗ (387). В Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ) материалы по теме из 36 дел сосредоточены в фондах Канцелярии военного губернатора Приморской области (1) и Канцелярии Приамурского генерал-губернатора (702). Из Государственного архива Приморского края (ГАПК) взяты документы фонда Приморского губернского комитета ВКП(б) (П-61). Получены также сведения из архива Спасо-Преображенского Валаамского монастыря.

Все обнаруженные документы в данной группе можно распределить по следующим видам: 1) *законодательные акты*: указы, распоряжения, резолюции в фондах РГИА ДВ – 1 (оп. 1, д. 5993), 702 (оп. 3, д. 7, 8, 14, 101) и др.; 2) *делопроизводственная документация*: отчеты Приамурского генерал-губернатора (РГИА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 258) и отчеты епископа Владивостокского и Камчатского Евсевия (Никольского) в Св. Синод (РГИА, ф. 796, оп. 442, дд. 1765, 1823, 1940 и др.); официальная переписка церковных и государственных лиц из РГИА (ф. 1151, оп. 12, д. 125; ф. 797, оп. 81, д. 134) и др., из РГИА ДВ - ф. 702 (оп. 3, дд. 69, 157, 200, 234, 336, 399 и др.), ф. 1 (оп. 1, дд. 169, 176; оп. 5, д. 489) и др.; переписка, донесения благочинных, настоятелей монастырей (РГИА, ф. 796, оп. 174, д. 1209), служебные записки чиновников (ГАПК, ф. П-61, оп. 1, д. 230) и др.; журналы заседаний архиерейского съезда (РГИА ДВ, ф. 702, оп. 3, д. 8); ревизский учет церковных зданий (РГИА, ф. 799, оп. 33, дд. 68, 69, 70 и др.). К сожалению, в настоящее время фонды Владивостокской духовной консистории, находящиеся на хранении в РГИА ДВ, не доступны для работы исследователей из-за незавершенности их размещения. Однако, несмотря на это, необходимые сведения могут быть восполнены из других архивохранилищ.

Группу *опубликованных* источников составляют: 1) тематические сборники законодательных актов и нормативно-правовых документов, регулировавших деятельность Русской Православной Церкви в Российской империи, и в частности на Дальнем Востоке; 2) отчеты обер-прокуроров Святейшего Синода, приамурских генерал-губернаторов и других государственных чиновников; 3) статистические обзоры Приморской области; 4) документы Православной Церкви (собрание канонических правил, сборники синодальных правил об устройстве миссии, отчеты и доклады дальневосточных епископов, журналы Владивостокских епархиальных съездов; 5)

сборники трудов святых отцов: святителей Иннокентия Вениаминова и Игнатия Брянчанинова, священномученика Иоанна Восторгова и агиографические материалы; 6) публикации в журналах «Духовная беседа», «Морской сборник», «Русская старина», «Исторический вестник», «Записки Русского географического общества», «Нива», «Отечественные архивы», а также в Благовещенских, Владивостокских, Иркутских, Камчатских епархиальных ведомостях и в газетах «Приамурские ведомости», «Голос Приморья»; 7) «путешественные записки» М. Венюкова, Г. Мурова (Г. С. Гантимурова), протоиерея В. Островидова; 8) записки и воспоминания Г. Невельского, И. Шмелева, митрополита Нестора (Анисимова), игумена Алексия (Осколкова), иеромонахов Серафима и Алексия (Кузнецова), С. Трубачева. Сведения из источников данной группы помогают разъяснить и уточнить некоторые вопросы по развитию Православной Церкви в Приморье, понять отношение современников к изучаемым явлениям в духовной жизни, получить большой объем фактологической информации.

В совокупности архивные материалы и опубликованные документы позволили выявить особенности становления в Приморье епархиальной, монастырской и миссионерской систем Русской Православной Церкви в период от 1850-х гг. до 1917 г.

Научная новизна. Часть архивных источников, используемых в диссертации, впервые вводится в научный оборот.

В сравнении с другими работами впервые предпринята попытка комплексного исследования проблемы становления Православной Церкви в Приморье во второй половине XIX – начале XX вв.

На основе совокупного анализа источников автор дал характеристику православной миссии в условиях переселения и иммиграции как единого действия при проявлении ее на разных уровнях (епархиальном, приходском, монастырском).

Автор расширил методологию исследования становления Православной Церкви на юге Дальнего Востока России путем сопоставления внешнего развития религиозной жизни с ее внутренним содержанием по различным аспектам (духовно-нравственное состояние, аскетическая практика, пастырское служение).

Раскрыто значение феномена духовного лидера в переселенческих условиях.

В первый раз проведено соотнесение событий гражданской и церковной истории юга Дальнего Востока России, что позволяет уточнить значение религиозного фактора в контексте государственного строительства в регионе.

Практическая значимость исследования. Результаты и выводы работы дают возможность современным органам епархиального управления, священнослужителям и миссионерам на юге Дальнего Востока России понять своеобразие развития Православной

Церкви в регионе и учесть его в процессе принятия решений по актуальным вопросам церковной жизни. Материалы диссертации могут быть использованы для разработки учебных курсов по истории Православия на Дальнем Востоке в духовных школах Русской Православной Церкви и государственной системе высшего образования по направлениям «теология», «религиоведение», «отечественная история», а также для подготовки монографии по истории Владивостокской епархии. Исследование вносит вклад в разработку истории Русской Православной Церкви на Дальнем Востоке России.

Апробация результатов исследования. Важнейшие положения диссертации обсуждались на заседании кафедры истории Русской Православной Церкви ПСТГУ. Результаты работы по отдельным вопросам были представлены в виде докладов и сообщений на научных форумах: XX сессия Богословской конференции Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва, 2010), «Всероссийская научно-практическая конференция «Дальневосточные образовательные чтения памяти святых Кирилла и Мефодия» (Владивосток, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010), Межрегиональная научно-практическая конференция «Сибирь на перекрестье мировых религий» (Новосибирск, 2006, 2009), международная научно-практическая конференция «Христианство на Дальнем Востоке» (Хабаровск, 2006), Рождественские образовательные чтения (Москва, 2006), V Славянский научный собор «Урал в диалоге культур» (Челябинск, 2007), «Третьи Муравьевские чтения» (Владивосток, 2009), «110 лет Русской духовной миссии в Корее» (Владивосток, 2010) – и опубликованы в сборниках материалов конференций, а также в «Православной энциклопедии» (2004), «Журнале Московской Патриархии» (2006). Результаты обширного исследования автора отражены в альбоме «Приморье православное: К 110-летию образования Владивостокской епархии» (Владивосток, 2008). Общий объем публикаций составил 31,45 п. л. Автор использовал материалы исследования в лекционном курсе по истории Русской Православной Церкви Синодального периода и в спецкурсе по миссиологии.

II. СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения; включает список использованных источников и литературы, список сокращений и несколько приложений.

Во введении обоснована актуальность работы, обозначена степень разработанности темы, поставлены цель и задачи, установлены хронологические и территориальные рамки, определена методологическая основа исследования, рассмотрены используемые

источники. Введение завершает характеристика научной новизны работы и ее практическая значимость.

Первая глава «Формирование в Приморье епархиальной структуры Русской Православной Церкви» включает три параграфа.

Первый параграф «Миссия Церкви и исторические предпосылки распространения Православия в Уссурийском крае» рассматривает причины и обстоятельства, которые в ходе исторического процесса с XVI по XIX вв. привели к обустройству в Дальневосточном регионе Православной Церкви и в конечном итоге созданию в Приморском крае самостоятельной епархии.

Распространение Православия от Урала до Тихоокеанского побережья внешне оказалось связанным с присоединением к России сибирских и восточных земель. Но, говоря об участии церкви в программе переселения, следует исходить из того, что в процессе освоения новых территорий Православная Церковь видела для себя промыслительное призвание к выполнению заповеди Христа о развитии миссии: «идите», «учите» и «крестите» (Мф. 28: 19). В согласии с этим Церковь восприняла задачу, данную святым апостолам: донести Евангелие «всей твари» «даже до края земли» (Мк. 16, 15; Деян. 1: 8).

Миссионерское продвижение на юг Дальнего Востока до середины XIX в. было эпизодичным. Деятельность русских первопроходцев (Е. П. Хабаров, В. Д. Поярков, Онуфрия Степанова и др.) имела главной целью исследование путей продвижения России к морю. Албазинский проект (конец XVII в.) не смог просуществовать более двух десятков лет, чтобы стать центром дальнейшего расширения православного миссионерства. Впрочем, вероятно, какая-то часть ушедших из района верхнего Амура казаков обосновались при впадении р. Уды в Охотское море и основали там Удский острожек. Русские перенесли в храм, устроенный в поселении, иконы Знамения Божией Матери и свт. Николая Чудотворца. Миссия Церкви в Приамурье после Нерчинского договора с Китаем в 1689 г. оказалась приостановленной. В течение почти двух веков Уссурийский край оставался фактически недоступным также и для западных христианских миссионеров.

В литературе принято считать, что историческое начало церковной миссии и первого этапа формирования епархиальной системы на юге Дальнего Востока связано со временем официального присоединения Приамурья и Приморья к России (1858–1860 гг.). Но этому предшествовала подготовительная работа русских первопроходцев и вместе с ними православных миссионеров. Скажем, важную роль сыграла с 1851 по 1855 гг. Амурская экспедиция под командованием адмирала Г. И. Невельского. В это же время здесь

постепенно начала разворачивать свою деятельность Камчатская епархия под руководством деятельного миссионера – свт. Иннокентия (Попова-Вениаминова). С его благословения в начале 1850-х гг. на р. Амур (не исключая задачи крещения местных жителей) впервые направился протоиерей Гавриил Вениаминов. В 1854 г. император Николай I утвердил указ о принятии в ведение Камчатской епархии территорий в Амурском крае, вошедших в состав России. С этого момента можно говорить о первом этапе формирования епархиальной структуры на юге Дальнего Востока, в т. ч. в Приморье. Исследование фактических сведений этого процесса делает вполне очевидным то, что в этом имелся Промысел Божий, миссионерская проповедь отдельных лиц создавала исторические предпосылки для распространения Православия на юге Дальнего Востока. Подобный подход следует использовать также и в отношении осмысления процесса переселения православной паствы, ход которого явился внешней конвой развития церковной жизни в Приморье.

Начало миграции открыло возможность для второго и последующих этапов становления Православной Церкви в регионе под руководством епископов Камчатских и Благовещенских (1858 г. – север Приморья, 1861 – юг). С целью обеспечения функционирования церкви в Южно-Уссурийском крае здесь был выделен отдельный благочиннический округ, просуществовавший около 20 лет, при нескольких епископах: Иннокентии (Вениаминове), Вениамине (Благодравове), Павле (Попове), Мартиниане (Муратовском). В связи с многократным увеличением численности паствы и открытием новых храмов епископ Камчатский Гурий (Буртасовский) благословил образование трех благочиний – Южно-Уссурийского, Владивостокского и Камень-Рыболовского.

К 1894 г. в Приморье уже проживало более 93 000 человек, из которых около 65–76 % называли себя православными. Но практика показала, что благовещенские архиереи больше чем один раз в год не могли приезжать в Приморье. Это не противоречило требованиям Духовного регламента, но и не способствовало ускорению развития православной жизни в регионе. Епископ Макарий (Дарский) попытался улучшить управляемость епархиальной структуры в регионе путем создания двух новых благочиний и назначив специального представителя по вопросам строительства храмов (свящ. Михаил Кессельман). В целом к 1896 г. явно сложились предпосылки к тому, чтобы Владивосток сделать центром новой епископии, как это и постановил Святейший Синод.

Во втором параграфе «Образование в Приморье Владивостокской епархии» рассматриваются основные проблемы, связанные с обеспечением нормальной деятельности епархиального управления с конца XIX в. до 1917 г.

В состав Владивостокской епархии с 1899 г. вошли церкви и приходы на значительной территории общей площадью в 1 241 821 кв. версту. Границы нового церковного округа были проведены не вполне грамотно, что впоследствии создало определенные помехи в развитии. Владивостокская епархия оказалась разбросанной по нескольким отдельным территориям. Северная половина Уссурийского края, находившаяся в составе Приморской области, осталась в подчинении Благовещенского епископа. Центральное и южное Приморье стали базовыми районами Владивостокской епархии. Сюда продолжался приток православных верующих из западных регионов России. Если в 1902 г. называли себя православными приблизительно 162 000 человек, то через десять лет их число выросло более чем в 2 раза, занимая в удельном весе всего населения около 75 %.

Указом Святейшего Синода епископом Владивостокским и Камчатским был назначен преосвященный владыка Евсевий (в миру Евгений Иванович Никольский, архиепископ с 1906), бывший епископ Камчатский и Благовещенский. В сложившихся вокруг новой кафедры обстоятельствах, он своей инициативой и энергичными действиями сыграл решающую роль в скорейшем формировании структуры епархиального управления и в целом всей миссии. Во Владивостоке не был построен архиерейский дом, городской резиденцией владыки оставалась арендованная квартира и загородной – дача, построенная в местечке под названием Седанка (лесная зона за городом). Собственное помещение у Духовной консистории появилось спустя четырнадцать лет после создания епархии. Более всего печальным стало то, что во Владивостоке не был построен соответствующий уровню кафедральный собор, статус которого присвоили бывшему приходскому маловместительному Успенскому храму. Сбор пожертвований на строительство нового собора затянулся, так что к 1917 г. имелось лишь 37 % от требуемой суммы. Однако в кризисных условиях нехватки денег епископ Евсевий умело распорядился частью собранных средств, чтобы с их помощью кредитовать постройку второго в городе храма – Покровского. С другой стороны, архиерей всерьез рассматривал вопрос о переносе центра епархии в Хабаровск. В целом Владивостокский епископ принципиально выступал за увеличение числа архиерейских кафедр. Результатом дискуссии стала состоявшаяся в 1912 г. хиротония первого викария – епископа Никольск-Уссурийского Павла (в миру Николай Ивановский), занявшего важное место в развитии миссионерской структуры Приморья.

С начала XX в. численность благочиннических округов в Приморье возросла в 2,5 раза, с 8 до 16. В среднем они объединяли по 10 приходских церквей. Одним из способов повышения функциональной роли благочиний с начала века явились окружные собрания, проходившие регулярно накануне епархиальных съездов духовенства. Эти коллективные

органы управления с 1899 г. созывались почти ежегодно (кроме нескольких революционных лет), заметно увеличивая свое влияние на решение епархиальных вопросов. Анализ тем, выносившихся на рассмотрение съездов духовенства, показывает, что 20–30 % из них касались важнейших епархиальных дел (в том числе устройства миссии и проблем пастырского служения). 70–80 % вопросов были связаны с изысканием и распределением денежных средств на некоторые расходы и нужды духовенства. В целом церковная система в Приморье приобрела широкое развитие, характерное для синодальной эпохи.

Третий параграф «Развитие церковно-приходской жизни в Приморском крае (вторая половина XIX – начало XX вв.)» анализирует логику становления основы епархиальной системы, каковой являются приходы, исследует благоприятные и неблагоприятные факторы, влиявшие на процесс создания церквей, выясняет миссионерскую направленность в деятельности храмов.

Становление приходских общин происходило под влиянием феномена «переселенческой пестроты» – сложного явления, создававшего в епархии: а) резкие отличия между сельской и городской паствой; б) духовное «расслоение» городских жителей; в) разношерстность внутри сельских общин; г) общую установку жизни, которую можно определить как «дух временщиков». На этом фоне в церковно-приходской жизни Приморья формировалось контрастное отношение к церкви со стороны переселенцев: как ревностное благочестие одних, так и отстраненное равнодушие других.

Строительство храмов есть мощное средство христианского просвещения и миссионерства. По благословению свт. Иннокентия (Вениаминова) первый православный приход в Приморье начал действовать во Владивостоке с 1862 г. при церкви Успения Пресвятой Богородицы. Открытие второй и следующих церквей происходило в местностях, находившихся вблизи границы и транспортных маршрутов: с. Камень-Рыболов (1867 г.), с. Турий Рог (1868 г.) с. Никольское (1872 г.). с. Шкотово (1879 г.) и др. Материальные проблемы периода начального обживания региона были разрешены с позиции миссионерской практики путем открытия молитвенных домов в обычных жилых помещениях. В условиях освоения новых территорий, когда государственная политика направлена на закрепление жителей во вновь осваиваемых районах, логичным шагом явилось обращение за материальной помощью к правительству. Проявлением чего стала деятельность: церковно-школьного фонда, созданного в 1886 г. при переселенческом управлении по Южно-Уссурийскому краю, Комитета по строительству Сибирской железной дороги и Фонда имени императора Александра III.

Ко времени открытия на территории Приморья новой епархии ощущался недостаток приходских церквей (1898 г. – 38 ед.). При этом только около 63 % храмов имели своих священников. На большом пространстве приходы отделялись один от другого десятками и сотнями километров. В миссионерском аспекте это приводило к понижению качества приходской жизни, часто в таких условиях сводимой к литургическим формам, проведению богослужений и треб. Назначение священнослужителей в приморские приходы совершалось с запозданием от переселенческого процесса, что замедляло нормальное развитие церковной жизни. С другой стороны, правительственными мерами для священников на новых местах служения в Приморье теоретически создавались более лучшие материальные условия, чем в других епархиях России. Однако анализ применения на практике вышеназванных правил указывает на их недостаточную проработанность.

С начала XX в. перед молодой епархией вытекала задача сплочения переселявшейся паствы в едином духе, для чего прежде всего требовалось возвести достаточное количество храмов. Объединение возможностей прихожан, государства и благодетелей со всей России привело к высоким результатам: каждый год в среднем открывалось не менее 10 храмов и часовен. При этом в Приморье находилось около 50 % (почти 190 ед.) всех храмовых зданий из общего количества епархиальных церквей. Однако быстрые темпы строительства в течение первых годов XX в. не соотносились с ростом численности священников. Около 66 % от всего епархиального духовенства находилось в Приморском крае.

В обстоятельствах «переселенческой пестроты» главной проблемой приходской миссии стало развитие воспитательных форм: приходские кружки, общества, братства, общие паломничества, школы.

Вторая глава «Распространение в Приморье православного монашества» объединяет три параграфа.

В первом параграфе «Духовно-нравственные и социальные предпосылки открытия первых монастырей во второй половине XIX – начале XX вв.» автор рассматривает связь между процессом переселения православной паствы и появлением монастырей; устанавливает побудительные мотивы, определявшие деятельность первых монахов, освещает вклад первостроителей в дело становления монастырей.

Первые попытки создания мужской обители в Южно-Уссурийском крае предпринимались с середины 80-х г. XIX в. К делу образования монастыря были причастны многие государственные деятели, среди которых российский император Александр III, Приамурский генерал-губернатор С. М. Духовской, обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев и др. Но было бы упрощением рассматривать открытие в 1894

г. Уссурийского Свято-Троицкого монастыря только в контексте русского освоения Дальнего Востока. Устроение мужской обители началось только тогда, когда нашелся первостроитель-подвижник – афонский монах Алексей (в миру Александр Захарьевич Осколков). То же самое произошло в 1899 г.: Южно-Уссурийская Богородице-Рождественская женская обитель создавалась по инициативе игумении Павлы (в миру Параскева Трегубова). Конечно, процесс переселения православной паствы в Приморье явился социальным толчком к открытию здесь монастырей. Наряду с этим духовно-нравственными предпосылками создания обителей явились как аскетические устремления монахов, так и стремление к реализации духовных талантов, в т. ч. миссионерско-просветительских. Особенно следует отметить вклад о. Алексея (Осколкова). Он сумел без гарантированной господдержки путем организации сбора пожертвований и иной помощи сформировать начальную материальную базу нового монастыря (около 40 000 руб.), а также выбрать удобный участок (более 3 750 десятин) под размещение обители в Южно-Уссурийском крае, отказавшись от выделенного первоначально места вблизи Хабаровска. Но духовный разлад между первыми насельниками обители, расхождения по вопросу ведения аскетической жизни привели к добровольному уходу первостроителя от настоятельства.

Во втором параграфе «Восприятие святоотеческих традиций в монастырях Приморья» раскрывается внутренняя жизнь иноков и реализация принципов монастырского общежития, строй которого соотносится с духовным наследием учителей русского монашества.

Свято-Троицкий мужской монастырь с начала XX в. до 1914 г. почти ежегодно увеличивал численность насельников, которая поднялась с 63 до 144 человек (в 2,2 раза). Динамика численного роста монахинь и послушниц также отмечалась и в Богородице-Рождественской обители: с 39 до 89 человек (в 2,2 раза). Одной из причин этого явилась традиция старчества, поддерживавшаяся в обителях. В число насельников монастырей поступали верующие из разных сословий, но в большинстве – крестьяне.

На формирование сокровенно-сердечной жизни в Свято-Троицком монастыре особый отпечаток наложил внутренний мир его второго настоятеля – игумена Сергия (в миру Павел Озеров) и эконома – иеромонаха Германа (в миру Вукола Богданов) – выходцев из Валаамского монастыря. В обители с самого начала ее деятельности главное внимание уделялось духовному развитию братии, испытанию ее совести через откровение помыслов и исповедь – с опорой на литературное учение свт. Игнатия (Брянчанинова), преподобных Оптинских старцев, прп. Серафима Саровского и других святых отцов. Прививалась любовь к чтению книг святых отцов о монашестве. Сам настоятель переписывал в тетрадь

отдельные «крупницы» опыта от святых отцов («Заветы инокам»), которые затем печатались в собственной типографии в виде брошюр. Духовники мужского монастыря руководили жизнью сестер и послушниц Южно-Уссурийского женского монастыря.

Авторитет молодого Свято-Троицкого монастыря в начале XX в. был признан среди других знаменитых монастырей Русской Православной Церкви. Одной из причин этого явилась грамотная (не только в писаном виде, но и в действительности) организация всей жизни по строго общежительному Уставу, заимствованному из Валаамского монастыря (пример настоятеля, внутренняя дисциплина, исключение личной собственности, общая скромная трапеза и др.). Особый порядок литургической жизни (длительность службы, ее уставность) создавали в монастыре среди самой братии молитвенный настрой и привлекали сюда паломников, которые у себя на приходах ничего подобного не видели.

Несколько иначе, медленнее, устраивались дела в женской монашеской общине, что было связано с болезнью игумении Павлы и ее первой помощницы, а также со сложностями для сестер-послушниц в освоении монастырского устава. Задачу приведения внутреннего строя в порядок с 1909 г. выполняла вторая игумения Богородице-Рождественского монастыря, матушка Сергия (в миру Серафима Воронова). Валаамский устав здесь также внес существенное влияние на аскетические устремления женщин.

В третьем параграфе «Хозяйственная деятельность в жизни монастырей» автор анализирует значение монастырской экономики для развития обителей и региона в контексте переселения, вскрывает влияние аскетической и литургической жизни на успешное становление разнообразного хозяйства.

В двух приморских монастырях за период с 1900 по 1917 гг. была организована разветвленная экономика, особенно в этом плане выделился Свято-Троицкий мужской монастырь. Новые монастыри на юге Дальнего Востока изначально создавались как нештатные, т. е. не получавшие гарантированного казенного содержания. Материальная основа обителей создавалась трудом самих монахов, а также помощью простых верующих и благодетелей, способствовавших строительству крупных объектов (трех храмов, трех часовен, домов, школы, больницы); жертвовавших имущество (строительные материалы, лошадей, коров, пчел, разное механическое оборудование, рабочие инструменты и многое др.).

В распоряжение монашествующих мужчин на р. Уссури выделили в общем 4 848 десятин, включая лесной надел. Женский монастырь получил 575 дес. земли, в т. ч. 110 дес. из лесных дач. При этом в мужской обители пахотных угодий имелось лишь 231 дес., у женщин в севообороте находилось порядка 130 дес. Качество монастырских земель отличалось неоднородностью.

Для крестьян Приморской области был показателен пример мужского монастыря, где ввели определенный севооборот, приобрели полный комплект необходимых машин, орудий и инструментов, возделывали около 13 видов различных культур, организовали широкую промышленную переработку сельхозпродукции. Здесь на высокий уровень поставили животноводство, овцеводство, пчеловодство, а также ремесленное производство (более 10 видов) и др. Важнейшим источником поступлений в монастырь стал свечной завод (примерно 50 % от общей суммы). В целом от хозяйства мужская обитель за один год получала более 13 500 руб., полностью направляя их на обеспечение своей деятельности. Но свободный капитал в обители оставался в пределах 5 000 руб., что не ставило ее в ряд богатых средних и крупных монастырей России.

Третья глава «Развитие православной миссии среди переселенцев, мигрантов и коренных народов Уссурийского края» подразделяется на три параграфа.

В первом параграфе «Особенности миссионерской деятельности в Приморье во второй половине XIX в. – начале XX в.» исследуются проблемы по организации православной миссии на приходах, среди уссурийских народов и китайцев на фоне миграции населения, создававшей в Приморье этнорелигиозное своеобразие.

Религиозный состав населения Южно-Уссурийского края отличался разнообразием (таблица 11). В то же время по состоянию на 1909 г. православные христиане составляли около 72 %, выделялась незначительная группа староверов (раскольников – в терминологии Синодальной эпохи) – 1–2 %. Активная, традиционная для того времени противораскольническая миссионерская деятельность стала осуществляться не ранее 1912 г., когда в Приморье появился хорошо образованный епархиальный миссионер. К этому времени миссия научилась действовать не запретительными средствами, а пастырскими. Развивавшиеся в границах христианства католики (1 %), протестанты (3 %) заняли определенное положение во Владивостоке и Никольск-Уссурийске. Официально в Приморье одними из первых сектантов были замечены молокане и духоборы, затем к ним присоединились реформаты и баптисты. По признанию архиепископа Евсевия, епархия оказалась не вполне готовой к усилению миссионерской деятельности протестантов после 1909 г. В 1912 г. под руководством синодального миссионера свщмч. Иоанна Восторгова в Хабаровске прошли первые окружные миссионерские курсы, способствовавшие тому, чтобы приморское духовенство обучалось полемическим средствам в ходе своей пастырской службы. Во Владивостоке с 1914 г. созывались противосектантские курсы, действовал епархиальный миссионерский совет.

В Уссурийском крае ко времени переселения сюда русских также проживали представители нехристианских по национальным корням народов – гольды (нанайцы),

орочи (тазы) и др., постоянно мигрировавшие по региону. Заметное представительство среди населения Приморья составляли конфуциане и буддисты (21 % согласно официальным данным), к которым традиционно относили китайцев, корейцев и японцев. Коренные народы Приамурья стали принимать христианство с 50-х годов XIX в. (миссия во главе с протоиереем Гавриилом Вениаминовым). Амурские и уссурийские миссионеры испытывали затруднения в деле проповеди среди нанайцев и др. народов из-за: 1) языковой преграды; 2) влияния китайцев, выступавших против принятия христианства.

Договоры 1858 и 1860 гг., разрешил китайцам, проживавшим в Приамурье и Приморье, оставаться в Уссурийском крае. Развитие православного благовестия среди китайцев стало одной из задач Камчатской епархии. Для ее решения свт. Иннокентий (Вениаминов) пригласил в 1864 г. из Пекинской миссии миссионера, знавшего китайский язык. Но проблема с подготовленными кадрами оказалась значительно сложнее. Отчеты духовной миссии за 1870–1890-е гг. указывают на единичные случаи крещения китайцев, хотя в это время в Приморье их проживало более 40 000 человек (по неофициальным данным). Православная Церковь не получила возможности развития миссии среди китайцев на юге Дальнего Востока, так как, с одной стороны, российское правительство выступало против закрепления китайцев на данной территории, с другой – внутри Китая принятие Православия рассматривалось как отказ от своей родины.

Во втором параграфе «Монастырская миссия и переселение православной паствы» автор анализирует вклад приморских монастырей в продолжение апостольского служения на юге Дальнего Востока России, выявляет основные направления монастырской миссии.

Государственные и общественные деятели в период открытия приморских монастырей видели их миссию в деятельном служении народу и стране через создание в обителях больниц, школ, приютов и других благотворительных учреждений. В противоположность этой точке зрения руководство Свято-Троицкого мужского монастыря считало главным другое – создать в обителях все благоприятные условия для исполнения иноками своих обетов, несения аскетических подвигов, без чего монастыри превращаются в общество людей той или иной деятельности.

Миссионерская деятельность в монастырях Приморья проявлялась естественным образом в ходе их жизнедеятельности по нескольким направлениям: 1. Духовно-нравственное руководство – духовническая помощь епархиальному духовенству и прихожанам. 2. Организация паломничеств – начиная с 1910 г. в мужскую обитель в определенные периоды устраивались массовые посещения богомольцев. 3. Просветительская деятельность в области изучения основ православного вероучения – в 1908 г. во главе с настоятелем обители было создано Уссурийское православное братство

в честь Пресвятой Богородицы, членами которого стали примерно 25 % клириков Приморья. 4. Издательство и бесплатное распространение православной литературы. 5. Развитие монастырского хозяйства как образца для переселенцев. 6. Благотворительная поддержка общественных социальных программ – в 1901 и 1903 гг. в мужской обители по договоренности с гражданскими властями размещался передвижной глазной отряд. 7. Деятельность церковно-приходских школ, где обучались дети из соседних деревень и сироты. В мужском монастыре имела начальная трехгодичная школа с общежитием на 20 учащихся. Женская обитель за свой счет содержала школу на подворье в г. Никольск-Уссурийске, где к 1917 г. обучалось около 200 девочек. 8. Христианское просвещение китайцев и корейцев, но не через образование специальных миссионерских структур (например, школ), а вследствие общения с наемными работниками, проживавшими рядом с обителями в отдельных фанзах.

В третьем параграфе «Формирование Владивостокской корейской миссии и принципы православного благовестия среди иммигрантов» характеризуется деятельность Владивостокской корейской миссии, выделяются методы ее работы, раскрываются проблемы в реализации поставленных задач.

Во второй половине 1860-х гг. правительство разрешило иммигрировавшим корейцам компактно расселяться вдоль южных рубежей границы и в ряде внутренних районов Приморья. В начале XX в. по оценкам в крае проживало от 15 000 до 45 000 корейцев (таблица 12). Дальневосточные архиереи (епископы Вениамин (Благодатов), Гурий (Буртасовский) и др.) не соглашались использовать методы массового и быстрого обращения иммигрантов в Православие. Начиная с 1870-х гг. Владивостокская корейская миссия обустроивалась по территориальному принципу и к 1917 г. имела 13 миссионерских станций (приложение 6). В 1899 г., имея в виду главную задачу – материально обеспечить развитие миссии (диаграммы 3 и 4), открылся Владивостокский комитет Православного миссионерского общества, к поддержке которого постепенно подключилось более 200 человек. Кадровую проблему миссия разрешила после 1910 г. и в результате назначения ее руководителем епископа Павла (Ивановского). Важнейшую роль для объединения миссионерских усилий играли епархиальные миссионерские съезды (первый – 1913 г., а пятый – в апреле 1917 г.).

Опыт становления Владивостокской корейской миссии подтверждает, что подготовка клириков из числа местного населения и проведение богослужения на родном языке для иммигрантов являются необходимыми предпосылками для успешного распространения Православия. В целом количество находившихся в станах православных корейцев колебалось между 8 000–10 000 чел. С 1911 по 1914 гг. за пределами миссионерских

станов крестилось в среднем за год 2 600 корейцев. Однако на Иркутском миссионерском съезде 1910 г. прозвучало критическое суждение: многие корейцы во Владивостокской епархии крестились для того, чтобы быть принятыми в русское подданство; христианства они не знали и исполняли буддийские обряды. В то же время имеются факты и другого порядка: постепенно уменьшалась численность язычников и ослабевало их влияние на молодежь, в жизни крещеных корейцев утверждались христианские нравы. Одной из причин чего стало расширение церковно-школьного обучения. К 1917 г. количество учебных заведений в станах увеличилось в 2,3 раза, достигнув числа 25 (таблица 13). Рубежом качественного перелома в ходе воцерковления представителей восточного народа стал период 1907–1909 гг., когда корейцы начали постепенно приобщаться к общепархиальной и церковно-приходской жизни, выходя из замкнутого общества своих станов. В целом формирование Владивостокской корейской миссии протекало в три этапа: 1) с 1865 г.; 2) с 1899 г.; 3) с 1912 г.

В заключении диссертации подводятся итоги и делаются выводы исследования.

Становление Православной Церкви в Приморье со второй половины XIX в. происходило под знаком общего процесса распространения миссии Православия на Восток, начавшегося с XVI в. и внешне связанного с развитием государственного строительства в новых регионах. Миграцию в край значительной массы православной паствы в богословском аспекте следует рассматривать как миссионерский призыв Церкви с целью свидетельства о Христе, в том числе перед лицом народов Азиатско-Тихоокеанского региона, принадлежащих к иной, нехристианской по культурным корням, цивилизации.

Формирование епархиальной структуры целесообразно отсчитывать с начала 1850-х гг., которая затем развивалась последовательно в течение 6 этапов. Внутри каждого из них происходили интенсивные процессы организации (разукрупнение благочиннических округов, постоянный рост новопостроенных церквей, увеличение приходов). В этом ряду четко прослеживается достижение единства интересов государства и церкви. Однако, когда во второй половине XIX в. в Приморском крае обозначилась проблема отсутствия духовного лидера как важнейшего связующего звена в епархиальной структуре, интересы церкви не нашли своевременного понимания со стороны государства из-за нежелания последнего увеличивать архиерейские штаты. Открытие самостоятельной Владивостокской епархии с 1899 г. следует признать запоздалым.

Развитие миссии Православия на низовой ступени епархиальной системы (приходы) встречало большую поддержку государственной власти, что, конечно, имело заметное благоприятное влияние на длительный процесс формирования подлинных православных

общин как миссионерских центров. Миссия церкви на этом уровне была направлена прежде всего на духовно-нравственное воспитание.

Церковно-приходская жизнь развивалась в регионе неровно, неодинаково, периодами взлетов (1886, 1903, 1907, 1914 гг.) и падений. С начала XX в. активный прирост новопостроенных храмов увеличился в 5 раз. Причиной этого стала не только постоянная государственная и общественная поддержка церкви, но также заметная мобилизация добровольных пожертвований прихожан и благотворителей со всей России, вклады которых на 40–50 % покрывали все затраты по возведению храмов.

В контексте преодоления явлений религиозного индифферентизма и апатии начала XX в. важное место для становления Православной Церкви в Приморье приобрели монастыри (мужской и женский). В деле создания приморских монастырей видится продолжение духовной миссии Валаамского Преображенского мужского монастыря, начатой на Дальнем Востоке в XVII в. и получившей в Приморье в начале XX в. преимущество перед афонской школой монашества. Открытие монастырей в Приморье, как для церкви, так и для государства, бесспорно, имело миссионерское значение, но стороны по-разному понимали содержание этих понятий.

Единство церковно-государственных интересов в условиях переселения определяло Уссурийский край как важнейший центр распространения Православия не только между корейцами на юге Дальнего Востока, но и в северо-восточном Китае (Маньчжурия), хотя решению этой задачи не всегда сопутствовали государственно-политические интересы. В структуре Владивостокской епархии корейская миссия приобрела форму отдельного института. Однако по вопросу о целях и задачах православной миссии не было полного понимания между государственными чиновниками и церковью. Для первых в миссионерстве виделся механизм включения иммигрантов в российское государство, церковь же стремилась прежде всего к осуществлению православного христианского свидетельства. Дальнейшее продолжение исследования по данному вопросу видится актуальным в свете изменений, происходящих на современном этапе в жизни Дальнего Востока, и усиления миграционных потоков.

В целом можно заключить, что, несмотря на неблагоприятный фон начала XX в., Православная Церковь в исторически короткое время (период около 10 лет) смогла закончить оформление в Приморье полноценной церковной жизни, что произошло благодаря самоотверженному труду ревностных тружеников Христовых под руководством первого архиепископа Приморского и Владивостокского Евсевия (Никольского). Столкнувшись с «переселенческой разношерстностью» среди паствы церковь в таких условиях своей главной задачей видела «миссию единения во Христе».

В работе имеется 13 таблиц, 3 диаграммы, характеризующие благочиннические округа, сбор средств на храмовое строительство, численность духовенства и монашествующих в Приморье, состав земельных угодий в монастырях, распределение доходов и расходов миссионерского комитета. В 8 приложениях содержатся картографические, схематические, иллюстрационные и информационные материалы, всесторонне дополняющие исследование.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ АВТОРА:

*Статьи, опубликованные в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК
Министерства образования и науки РФ*

1. Ерохин В. В. Становление православной церкви в Приморье во 2-й половине XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – № 2. – 0,6 п. л.
2. Ерохин В. В. Православная церковь на юге Дальнего Востока России в середине XIX века: к вопросу о хронологии миссии // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – № 3. – 0,5 п. л.

Книги и статьи в научных изданиях

3. Приморье православное: К 110-летию образования Владивостокской епархии / Гл. ред. игум. Иннокентий (Ерохин). – Владивосток: Изд-во Владивостокско-Приморской епархии, изд-во ЗАО «ЛИТ», 2008. – 200 с.: ил. – 23, 25 п. л.
4. Иннокентий (Ерохин), иером. Владивостокская и Приморская епархия // Православная энциклопедия под ред. Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М.: Церк.-науч. центр «Православная энциклопедия», 2004. – Т. VIII. – С. 617–621. – 0, 78 п. л.
5. Иннокентий (Ерохин), иером. Выбор места для Свято-Троицкого мужского монастыря и колонизация Южно-Уссурийского края // Приморские образовательные чтения памяти свв. Кирилла и Мефодия: Сб. тез. и докл. Вып. IV. – Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2005. – С. 25–28. – 0,3 п. л.
6. Иннокентий (Ерохин), игум. Возрождение Владивостокской епархии и ее современное положение // Христианство на Дальнем Востоке: Материалы междунар.

науч.-практ. конференции / Хабаровская духовная семинария при поддержке правительства Хабаровского края. – Хабаровск: Хабаровская духовная семинария, 2006. – С. 145–150. – 0,37 п. л.

7. Иннокентий (Ерохин), игум. Роль схиигумена Алексия в распространении монашества на юге Дальнего Востока России // Приморские образовательные чтения памяти свв. Кирилла и Мефодия: Сб. тез. и докл. Вып. V. – Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2007. – С. 25–30. – 0,45 п. л.

8. Иннокентий (Ерохин), игум. Распространение Православия в Приморье (1854–1898 гг.) // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы III Межрегиональной науч.-практ. конф. / Федеральное агентство по образованию, Новосиб. гос. ун-т, Ин-т истории СО РАН, Ин-т археол. и этнограф. СО РАН. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2006. – С. 195–201. – 0,41 п. л.

9. Иннокентий (Ерохин), игум. Протоиерей Гавриил Вениаминов – первый начальник Амурской миссии // VI Приморские образовательные чтения памяти свв. Кирилла и Мефодия: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2007. – С. 19–23. – 0,66 п. л.

10. Иннокентий (Ерохин), игум. Деятельность епископов Камчатской епархии по строительству церквей в Приморье // VII Приморские образовательные чтения памяти свв. Кирилла и Мефодия: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2007. – С. 28–34. – 0,57 п. л.

11. Иннокентий (Ерохин), игум. Проблемы распространения Православия среди корейцев и китайцев в Приморье во второй половине XIX – начале XX вв. // Православие на Урале: Исторический аспект, актуальность развития и укрепления письменности и культуры: Мат-лы симпозиума с междунар. участием: V Славянский науч. собор «Урал в диалоге культур»: В 2 ч. – Ч. I. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; М-во культуры Челяб. обл. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. академии культуры и искусств, 2007. – С. 111–117. – 0,39 п. л.

12. Иннокентий (Ерохин), игум. Проблемы управления Владивостокской епархией в начале XX в. // VIII Дальневосточные образовательные чтения, посвященные памяти святых Кирилла и Мефодия: Ч. I: Мат-лы Всерос. науч. конф. «Актуальные проблемы изучения истории и культуры Православия». – Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2009. – С. 92–98. – 0,54 п. л.

13. Иннокентий (Ерохин), игум. Духовно-нравственные и социальные предпосылки открытия в Приморье первых монастырей во второй половине XIX – начале XX вв. // Сибирь на перекрестье мировых религий: Мат-лы IV Межрегиональной науч.-практ.

конф. / Федеральное агентство по образованию, Новосиб. гос. ун-т, Ин-т истории СО РАН, Ин-т археол. и этнограф. СО РАН. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2009. – С. 164–169. – 0,53 п. л.

Публикации в научно-популярных изданиях

14. Иннокентий (Ерохин), иером. История Уссурийского Свято-Троицкого Николаевского мужского монастыря // Журнал Московской Патриархии. – 2006. – № 2. – С. 69–82. – 1, 40 п. л.

Учебно-методическая литература

15. Иннокентий (Ерохин), игум. Миссиология: Учебно-методическое пособие по спецкурсу для студентов, обучающихся специальности «теология». – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. – 11 с. – 0,7 п. л.